

К вопросу о выражении итеративности в русском языке

On the Problem of Iterative Action of the Russian Verb

Ласло Ясаи

Университет им. Лоранда Этвёша,
Будапешт, Венгрия

László Jászay

Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Резюме

Статья посвящена вопросам итеративности, которая представлена в русском языке разными семантическими типами, основанными на характере повторительного значения и способах его выражения. Автор описывает данный семантический комплекс в рамках функционально-семантического поля, включающего разнородные формы повторения действия, в том числе и некоторые типы употребления перфективных глаголов. Подход, применяемый в настоящей статье, ставит вопрос и о семантическом объеме рассматриваемого понятия, так как границы между наличием и отсутствием элементов повторения оказываются в части случаев неопределенными, размытыми. Основой для классификации итеративов служат следующие факторы: а) характер ограниченности / неограниченности повторяющегося действия; б) степень локализованности действия, связанная с величиной временного интервала между отдельными действиями; в) производность или внутриглагольность итеративности (создается ли итеративность под воздействием контекста или следует из глагольной семантики); г) исходная позиция в отношении видового значения, к которой восходит многократное значение.

Цитирование: Ясаи Л. К вопросу о выражении итеративности в русском языке // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 305–329.

Citation: Jászay L. (2022) On the Problem of Iterative Action of the Russian Verb. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 305–329.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.12

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

Ключевые слова

итеративность, многократность, узуальное действие, временной интервал, мультипликатив, значение итеративности в способах действия, имперфективация

Abstract

The article focuses on iteration in the Russian language, which is represented by different semantic types, based on the nature of the repetitive meaning and the ways of expressing it. Therefore, the author describes this semantic complex within the framework of a functional-semantic field, which includes heterogeneous forms of repetition of an action, including some types of usage of perfective verbs. The approach used in this article raises the question of the semantic scope of iterativity, since the boundaries between the presence and absence of elements of repetition are in some cases vague. The following factors serve as the basis for the classification of iteratives: a) the nature of the limited / unlimited repetitiveness, b) the degree of localization of the action, associated with the length of the temporal interval between the different actions, c) whether the iterative meaning is developed under the influence of the context (derived iteration), or connected to the verbal semantics (internal verbal iteration), d) the basic position in relation to the aspectual meaning of the verb to which the repetitive meaning is related to.

Keywords

iteration, repetitive action, habitual action, temporal interval, multiplicative verb, meaning of iteration in Aktionsarten, imperfectivization

0. Введение

Проблематика, связанная с итеративностью действия, уже давно привлекает внимание исследователей славянского глагольного вида. В последние несколько десятилетий публикации, касающиеся русского глагола, фокусировались на изучении того или иного частного вопроса данного весьма многогранного понятия¹. Можно предположить, что обращение к русскому глаголу с точки зрения характеристики итеративности действия сохраняет актуальность в том числе в рамках комплексного интегративного подхода. В настоящей статье ставится задача

¹ Анализировалась итеративность русского глагола под разными углами зрения, в частности, на материале некоторых, в основном одновидовых способов действия — собственно многократного [Прокопович 1982: 182–200], деминутивно-итеративного [Крекич 1989: 181–195], мультипликативного [Храковский 1997а], а также и глаголов с узуальным (хабитуальным) значением [Палоши 2015]. Е. И. Семиколенова рассматривала семантический признак кратности с точки зрения типа отношений между глаголами, объединенными в видовую пару [Семиколенова 2009]. В исследованиях не остались без внимания и частные случаи итеративности, передаваемой глаголом СВ [Гаттнар 2013; Bottineau, Roudet 2013].

продемонстрировать, как передаются различные типы действий в рамках семантического поля итеративности. В нашей работе мы опираемся на функционально-семантический подход к обучению русскому языку (с предпочтением исходно-семантической ориентации), основываясь на реализации принципа движения «от значения к средствам выражения» (далее мы будем называть его функциональным принципом) (см. об этом, в частности: [Бондарко 1983: 3]).

Следует заметить, что традиционные подходы к изучению и описанию категории вида (и, как следствие, методы обучения употреблению видовых форм) опираются лишь на принцип движения «от формы к значениям» (далее мы будем называть его исходно-формальным принципом). Опыт (как лингвистический, так и педагогический) показывает, что такой односторонний подход, помимо некоторых преимуществ, имеет и недостатки. Противоречие возникает на психолингвистическом уровне: учащийся (для которого русский язык является неродным), пытаясь говорить на данном языке, должен исходить не из вопроса о том, какие значения (типы употребления) имеет СВ и какие — НСВ. Отправной точкой для него на самом деле является содержание сообщения. Говорящий исходит, во-первых, из своей коммуникативной цели (какое значение он должен выразить в данном случае) и, во-вторых, из того, какими средствами он может пользоваться для выражения нужного ему смысла. Из этого следует, что для лучшего достижения функциональных целей желательно включить в обучение грамматике и направление «от значения к формам» (об этом подробно: [Бондарко 1983: 32–40]). Целесообразно распространить этот принцип и на глагольный вид, несмотря на то что в таком случае как глаголам НСВ, так и глаголам СВ приписывается определенный набор частных значений. Логично предположить, что после того, как учащиеся ознакомились с частными значениями видов, в качестве исходной позиции разумно постулировать определенные аспектуальные концепты (связанные либо с видом, либо с некоторыми способами действия), например, такие как *длительность*, *повторяемость*, *интенсивность*, *количественность*, *ментальность* или *результативность* действия. Именно в таком ключе мы рассматривали средства выражения разного рода результативного значения в статье [Ясаи 2020], и таким же образом мы будем анализировать в настоящей работе разные типы повторяющихся действий.

В рамках принципа «от значения к форме» такая функциональная направленность становится основной, однако она отнюдь не означает отказа от традиционного исходно-формального принципа. Объясняется это тем, что именно грамматические формы представляют основание для выделения тех значений, которые должны изучаться в грамматике,

которые должны быть усвоены учащимися. «Семантические категории выводятся из языка, из **языковых форм** (выделено нами. — Л. Я.), далее они могут быть исходным пунктом для выявления и анализа всех возможных средств их выражения», — пишет А. В. Бондарко [1983: 34]. Когда при изучении вида говорят о разных аспектуальных значениях (например, о процессности, общефактичности или повторяемости), часто оставляют без внимания тот факт, что эти наименования могут включать в себя разнородные явления. Иными словами, следует учитывать, что перечисленные аспектуальные значения, рассматриваемые в качестве исходной позиции, сами подразделяются на разные подтипы. Так, например, о выявлении тонких различий свидетельствует указанная работа Бондарко, в которой анализу подвергаются ситуации процессности и обобщенного факта [Ibid. 118–156, 160–187]. В связи с описанием общефактического значения выделим также анализы М. Я. Гловинской [Гловинская 1982: 116–143] и Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 32–52]. Продолжая направление, заданное указанными работами, мы рассмотрим и характер протекания повторяющихся действий, выявляя их аспектуально-семантические и стилистические разновидности.

1. К истолкованию понятия итеративности

Ввиду того, что итеративность — широкое понятие, вопрос о том, где проходят ее границы, может вызывать разногласия. Коротко остановимся на вопросе определения этого понятия. Какое действие должно рассматриваться в качестве итеративного (т. е. повторяющегося), на первый взгляд, кажется достаточно очевидным. Интуитивно может быть предложен простой лексико-синтаксический критерий: глагол, обозначающий такое действие, хотя бы потенциально может сочетаться по меньшей мере с одним из лексических показателей повторяемости: *обычно, часто, иногда, редко, изредка, регулярно, неоднократно, не раз, несколько раз, вечерами, каждый день, каждые полчаса, ежегодно, раз в неделю* и т. п. Однако, как будет показано ниже, существуют и такие глаголы, у которых кратность выражается и без поддержки контекста, т. е. данный признак вытекает из самого лексического (или лексико-грамматического) значения глагола. Поскольку понятие итеративности включает в себя весьма различные типы повторительности, целесообразно анализировать эти значения в рамках такого функционально-семантического поля, которое интегрирует все типы действий, воспринимаемых повторяющимися.

В семантическом комплексе *итеративности* (в отличие от таких акциональных полей, как *темпоральность, аспектуальность, залоговость* и др.) трудно выделить какую-либо центральную сферу («ядро»),

хотя в рассматриваемом характере протекания действия, несомненно, наблюдаются некоторые «периферийные» типы. Кроме того, обращают на себя внимание и такие явления, которые лишь соприкасаются с данным аспектуальным содержанием (см. ниже, под пунктом 1.1.). Наиболее существенная характеристика итеративности может быть сформулирована следующим образом: данное понятие связано с воспроизведением ряда действий, составляющих с точки зрения действия один и тот же семантический класс и приписываемых одному и тому же субъекту или множеству субъектов. Из наличия в действии признака кратности следует, что для формирования итеративного действия важен временной интервал, который, с одной стороны, разделяет действие на отдельные акты, а с другой — связывает эти «микродействия», обеспечивая таким образом единство данного множества. Разумеется, что этот интервал может иметь различную протяженность.

Известно, что для обозначения повторяющихся действий используются разные термины. На разнородность наименований этого понятия эксплицитно указывает В. С. Храковский: уже в заголовке его статьи названы терминологические варианты, передающие разные смысловые оттенки: это неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное значение [Храковский 2014: 3]. Данный синонимический ряд можно расширять дальше, исходя из того, что кратное действие может быть не только неограниченным, но и ограниченным (последнее имеет место при использовании лексических квантификаторов типа *два / три раза, несколько раз* и касается обоих видов (ср. [Бондарко, Буланин 1967: 54, 57]). Когда ограничение кратности связано с выбором СВ, для обозначения этого типа принято употреблять термин *суммарное значение* (например, *несколько раз перечитал*). Кроме того, к числу близких по значению альтернативных терминов целесообразно отнести и «значение множественности» (глагольных ситуаций), которое включает в себя, в частности, и разные типы повторяющихся действий [Храковский 1986; 19976]. Подобная интерпретация находит отражение и в книге В. А. Плунгяна [Плунгян 2011]: в соответствующей ее главе («Число как глагольная категория») автор пользуется терминами *мультисубъектность* и *мультиобъектность*. Видимо, предложенные Плунгяном названия для глагольной множественности стали употреблять и другие авторы (см., напр., [Палоши 2018]). В связи с представленной здесь терминологией требует особого упоминания, что *итеративность* и *повторяемость* мы рассматриваем как терминологические дублиеты, в отличие, например, от Т. В. Белошапковой, в монографии которой *повторяемость* представлена как элементарный, а *итеративность* как неэлементарный концепт (вариант повторяемости,

передающий количественную характеристику действия [Белошапкова 2007: 89]).

1.1. Прежде чем приступить к анализу итеративности, необходимо обсудить границы этого поля, которые являются явно нечеткими, неопределенными, и до некоторой степени могут казаться произвольными. Мы хотим предварительно указать, какие типы «повторительного» значения могут восприниматься как выходящие за пределы данного понятийного поля. Среди способов глагольного действия обнаруживаются и такие разряды перфективных глаголов, которые лишь соприкасаются с идеей повторяемости, так как они могут быть истолкованы лишь на фоне ярко выраженного результативного значения. В частности, такими семантическими модификациями являются *дистрибутивные* глаголы-результативы (субъектные и объектные), в которых выделяется сема 'поочередность распространения действия (точнее: результата) на ряд субъектов или объектов': *поумирать, переболеть, перепробовать* и др. (Подробнее о «суммарных дистрибутивах» с приставкой *по-*: [Караванов 1999].) По сходным соображениям оставим вне рассмотрения глаголы СВ, передающие *рефактивное* значение с семантическим компонентом 'еще раз' или 'заново' (см. глаголы *переписать, перечитать, перезвонить, перераспределить* и др. — их полное описание в типологическом ракурсе см.: [Стойнова 2012]). С нашей точки зрения, системное описание глаголов, относящихся к указанным здесь способам действия согласно трактовке В. С. Храковского [Храковский 1997б] и В. А. Плунгяна [Плунгян 2011], разумно осуществить в более широком плане — в рамках глагольной множественности. Все это, однако, не означает того, что в нашей концепции в рамках итеративности значение СВ не будет затронуто (см. раздел 2.2.).

1.2. В свете сказанного выше становится понятно, что итеративные действия могут быть расклассифицированы по разным аспектам. Среди них мы выделим следующие.

1.2.1. При учете выбора глагольного вида прежде всего следует различать *неограниченно-кратное* действие, требующее глагола НСВ, и *ограниченно-кратное* действие, способное реализовываться и в форме СВ (см. суммарное значение, о котором речь будет идти ниже, под пунктом 2.2.3.). Неограниченно-кратное действие можно считать по употребительности основным видом повторяемости, который подразделяется на дальнейшие подтипы в зависимости от определенности или неопределенности временного интервала, выделяемого между отдельными действиями.

1.2.2. В соответствии с разной величиной интервала различаются повторяющееся действие, *локализованное* во времени (широко или узко), и действие *нелокализованное* — иначе, политемпоральное. В большинстве случаев данное различие зависит от лексических показателей, которые могут быть представлены четырьмя разновидностями:

а) показатели *каждый раз, обычно* и др. употребляются без характеристики величины интервала;

б) *время от времени, редко, изредка, иногда* выражают повторяемость с неопределенно большим интервалом;

в) *часто, зачастую, нередко, то и дело* характеризуют повторяемость с неопределенно малым интервалом;

г) показатели типа *каждый день, по субботам, пять раз в месяц* указывают на повторяемость с определенным интервалом (ср.: [Грекова 1985: 8–10]).

При этом, однако, существуют и такие глаголы НСВ, у которых наличие интервалов между действиями не зависит от контекста, так как данная особенность у них тесно связана с характером протекания выражаемых ими действий — в сущности, с характером их лексического значения. Этот «внутриглагольный» тип итеративности можно проиллюстрировать глаголами разных семантических классов, например, *хаживать* (без локализованности действия), *прыгать* или *постукивать* (с локализованностью действия).

1.2.3. Из сказанного следует, что под определенным углом зрения многократное действие может быть *производным* или *непроизводным*. В предлагаемом здесь понимании производная многократность является морфологически немаркированной, следовательно, она создается в контексте на синтаксическом уровне, как правило, в результате обозначения множественности субъекта и/или объекта или наличия разных лексических показателей. Видимо, таких типов реализации повторяемости большинство. Непроизводную (т. е. маркированную) многократность мы находим в таких примерах, когда какая-либо разновидность повторительного значения составляет неотъемлемую часть семантики данного глагола. Такие глаголы-итеративы встречаются и среди одновидовых способов глагольного действия (например, *сживать, хаживать, пивать* или *покашливать, побаливать, пописывать*), и среди фазисно-временных способов действия, если от них образуется имперфектив (*заговаривать, заигрывать, просиживать*), а также среди вторичных имперфективов в составе так называемых видовых троек (см. *прочитывать, выучивать, вылечивать, съедать*). У таких имперфективных глаголов итеративность выражается не столько синтаксически, сколько на уровне лексемы.

Надо заметить, что в семантической сфере итеративных действий на основе их повышенной частотности легко развивается *узуальное* (в употреблении некоторых авторов — *хабитуальное*) значение, в семантике которого на первый план выступает сема ‘привычность’ или ‘привычка субъекта’. В статье Палоши [2015: 187–189] дается обзорное описание этого понятия в истолковании разных лингвистов. В изложении автора показано, что «хабитуалис» имеет в сфере глагольной множественности четыре основные интерпретации: 1) хабитуалис как аналог итеративности, 2) хабитуалис как частное итеративное значение, 3) хабитуалис как частное континуативное значение, и 4) хабитуалис как самостоятельная категория. Согласно нашей точке зрения, хабитуалис (который мы отождествляем с узуальным значением) представляет собой частную реализацию итеративности, которую можно считать ее наиболее обширным типом употребления.

1.2.4. При наблюдении за многократными действиями кажется очевидным, что любому повторяющемуся действию в той или иной степени сопутствует и какой-либо другой признак одного из частных видовых значений. Так, многократность может быть сведена к значению состояния, процессно-длительному значению, общефактическому значению НСВ или конкретно-фактическому значению СВ, в том числе и к таким случаям, в которых при многократности сохраняется ярко выраженное результативное значение. Это наблюдается, в частности, в случае дериватов-итеративов типа *вылечивал, выучивал, съедал, прочитывал* (подробнее об этом см. раздел 2.1.4.).

2. Разные проявления итеративности

Приступим к рассмотрению конкретного языкового материала. В основе нашего анализа лежат следующие положения: а) учет глагольного вида, б) различие случаев, когда глагол можно считать итеративом без поддержки контекста, с одной стороны, и когда данное значение развивается под воздействием внешних факторов — с другой. Приоритетное внимание будет уделено в сфере имперфективного действия таким одновидовым (т. е. несоотносительным) модификациям, у которых повторяющийся характер действия выражается особенно ярко — в результате обязательного наличия в глаголе семы итеративности. Затем мы коснемся глаголов некоторых способов действия, связанных — в ряду прочих семантических оттенков — с выражением итеративности, а также и глаголов-итеративов, которые большинство специалистов расценивает как видовые корреляты. При анализе повторяющихся действий будет учитываться и признак локализованности (и нелокализованности) во времени разных неограниченно-кратных действий. Наконец, в

сфере перфективности будут анализироваться такие случаи, которые в иерархии итеративных действий занимают, по нашему мнению, периферийное место. Это — *наглядно-примерное значение* СВ в составе узуальной ситуации и *суммарное значение*, выражаемое глаголом СВ.

2.1. Итеративность в сфере имперфективной семантики

2.1.1. Особое место занимают в системе русского глагола те *бесприставочные многократные имперфективы*, которые отличаются по разным аспектам от обычных глаголов НСВ, способных передавать — в ряду других имперфективных значений — и повторительное значение. Речь идет о глаголах-итеративах типа *хаживать, сиживать, читывать*, употребляемых в литературном языке только в прошедшем времени (реже в инфинитиве). Данные образования употреблялись сравнительно часто в прежние века для обозначения многократной повторяемости в далеком прошлом². В. В. Виноградов предлагал сохранить для их обозначения термин *глаголы давнопрошедшего времени*, который установился вслед за «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова [Виноградов 1986: 445]. В современном языке такие глаголы встречаются гораздо реже, но могут представлять интерес с точки зрения перспективы языкового развития.

Насколько нам известно, наиболее полное описание этих дериватов с привлечением многочисленных примеров из художественной литературы XIX–XX вв. можно найти в монографии Е. Н. Прокопович [1982: 182–200]. Автор — с ссылкой на В. В. Виноградова — отмечает, что глаголы данной группы стали продуктивными в XVIII в., когда формировались устойчивые нормы разговорно-литературной речи, а также когда нормы живой устно-народной речи сближались с нормами литературного языка [Ibid.: 182]. В подтверждение сказанного Прокопович цитирует примеры из произведений нескольких писателей XVIII в., из которых мы выделим следующий³: *Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом* (Д. И. Фонвизин. Недоросль) [Ibid: 183]. Для иллюстрации процитируем примеры из литературы XVIII и XIX вв. по материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *Стул, на котором он сиживал, хранится как драгоценность* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественни-

² До четкого различия терминов «виды глагола» и «способы действия» (как кальки слова *Aktionsart*) данные дериваты считались глаголами «многократного вида». Однако надо учитывать, что, хотя основополагающая для современной аспектологии работа С. Агрелля, написанная на материале глаголов польского языка, была опубликована в начале XX в. [Agrell 1908], термин *Aktionsart* далеко не сразу стал употребляться в своем новом истолковании. В русском научном обиходе *Aktionsart* в значении 'способ действия' утвердился с середины XX в., в первую очередь благодаря работам Ю. С. Маслова.

³ Здесь и в дальнейших примерах, цитируемых в настоящей статье, применяются авторские выделения.

ка. 1793); *После обеда хаживали они смотреть полевые работы поселян...* (Н. М. Карамзин. Евгений и Юлия. 1789); *Да он в иной день и по пяти писывал, а по триста рублей, говорит, за лист берет* (Ф. М. Достоевский. Бедные люди. 1846); *Никогда даже когда была молода, ни одного романа с таким интересом не читывала, с каким прочла последнее твое письмо* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи. 1872–1876).

Количество примеров с беспривставочными итеративами, конечно, можно было бы умножить, учитывая более позднюю литературу — вплоть до наших дней. Но вместо этого важнее обратиться к тем аргументам, которые противоречат представлению о том, что данные глаголы в качестве «прототипических итеративов» могли бы составлять центр всего поля итеративности.

1. Прежде всего возникает необходимость сравнения таких многократных форм с соответствующими непривставочными нейтральными формами прошедшего времени: при «параллельном» употреблении *сиживал — сидел, читывал — читал, плясывал — плясал, едал — ел, пивал — пил, невал — нел* и т. п. многократные глаголы отличаются не только значением исключительной регулярности действия и оттенком давнопрошедшего времени, но и экспрессивностью разговорного стиля.

2. Помимо стилистической окраски, с частицей *не* отрицание при использовании многократного глагола выражалось сильнее (ср. *давно не ел...* и *давно не едал такого...*).

3. Данный беспривставочный способ выражения многократности не в одинаковой мере касается всех глагольных основ [Прокопович 1982: 185]. Но даже употребление таких сравнительно распространенных глаголов, как, например, *хаживать, сиживать, едать* и др., никогда не было обязательным (см. их отсутствие или разную степень активности у того или иного писателя).

4. Данные глаголы должны рассматриваться в диахроническом плане с охватом 2–3 столетий. Как явствует из их описания [Прокопович 1982: 182–200], к концу XIX в. употребительность таких итеративов уже стала уменьшаться, и в течение XX в. их сокращение продолжалось.

Вместе с тем новейшие примеры, представленные в НКРЯ, показывают, что многократные формы до самого последнего времени полностью не вышли из употребления: спорадически они по-прежнему встречаются в литературных текстах и носят на себе отпечаток не только экспрессивной разговорности, но и архаичности. Примеры: *Хаживали вместе в драмкружок, читали Андрея Белого по ролям* (Владимир Кузнецов. Часовой, «Волга». 2013). *К тому времени я уже активно хаживала в «Сайгон», от которого Максика воротило* (Ю. И. Андреева. Многоточие сборки. 2009). *Давно я не пивал такого поэтического напитка* (Игорь

Волгин. По долинам и по взгорьям. 2009). *Всегда один сиживал. Однажды, кажется, только отличился: встрял в некрасивую разборку из-за бабы* (Виктор Ремизов. Воля вольная, «Новый мир». 2013).

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что эти формы до настоящего времени встречаются и в диалектной речи. О. Г. Ровнова [2000: 69] отмечает, что ныне они продуктивны только на севернорусской диалектной территории, и обращает внимание, в частности, на то, что собственно многократный глагол в северных говорах может употребляться и в общефактическом значении прошедшего времени [Ibid.: 71].

2.1.2. О глаголах со смягчительно-прерывистым действием. Обширную группу итеративов составляют префиксально-суффиксальные глаголы, среди которых особый интерес для нас представляют модификации наиболее продуктивной деривационной модели. Это группа *деминутивно-итеративного* (другой термин: *смягчительно-прерывистого*) *способа действия*, в которую входят имперфективы типа *почитывать, посиживать, покашливать, побаливать* и т. п. — т. е. такие глаголы, которые словообразовательно (но не по виду!) соотносятся с соответствующими делимитативами. Последние являются мотивирующими лишь формально, ср.: *почитать, посидеть, покашлять* и *поболеть*. Такие итеративы (всегда со значением смягчения и, как правило, с указанием на то, что действие имеет место не очень часто) образуются от исходных глаголов, имеющих различные типы лексического значения. Данная модель была представлена в монографии [Крекич 1989: 192–195]: в соответствии с классификацией автора, глаголы этого разряда могут быть образованы:

1) от делимитативов, означающих состояние (например, *посиживать, полеживать, побаливать*);

2) от делимитативов, означающих процессы жизнедеятельности (*пожевывать, позевывать, поплевывать*);

3) от делимитативов, означающих неоднаправленное движение (*похаживать, покатывать*);

4) от делимитативов, означающих движение на месте (*покачивать, попрыгивать*);

5) от делимитативов, означающих конкретное действие (*полечивать, пописывать*);

6) от делимитативов со значением «производить звуки» (*побалтывать, постукивать*);

7) от делимитативов со значением «воспринимать органами чувств» (*поглядывать, понюхивать*);

8) от делимитативов со значением «испускать свет» (*поблескивать*).

Глаголы деминутивной итеративности, конечно, без ограничения могут выступать в позиции настоящего времени. Точная аспектуальная

характеристика этих глаголов с учетом степени локализованности действия связана с их лексическим значением и контекстом. Нет сомнения, что у некоторых глаголов данной группы характер лексического значения предполагает сравнительно малую величину интервала (см. *покачивать, помахивать, постукивать, поплевывать* и др.) и, следовательно, монотемпоральность действия с узкой локализованностью. Семантически их употребление стоит близко к процессному значению, поэтому естественно воспринимать такое действие и как немонолитную разновидность процесса: *Дядька, стоящий спиной к залу, постукивает палочкой* (Татьяна Соломатина. *Мой одесский язык*. 2011). *Олег Филаретович помахивал крестом, читал молитвы, Иван Никифорович ходил за тем и позёвывал* (С. И. Шуляк. Роман с чертовщиной, «Волга». 2013). Видимо, из «внутренней» итеративности глагола следует возможность частичной передачи континуального характера действия: *Живот действительно побаливал, но эта была обычная кишечная колика* (Тамара Орлова. *Ловушка для ящериц*, «Октябрь». 2003). *Знобило, побаливала голова, а главное, не хотелось вставать с постели...* (Александр Савельев. *Аркан для букмекера*. 2000).

С другой стороны, в отдельных ситуациях интервал (в том числе длительный) между действиями позволяет представить все действие как политемпоральное без временной локализованности. В формировании политемпоральной итеративности принимают участие, как правило, контекстуальные элементы, но в этом, как указывалось выше, может играть роль и лексическое значение глагола. Например: *Собственно, астрофизики уже давно поговаривают о том, что на отдалённых окраинах Солнечной системы могут скрываться сотни крупных космических тел...* (Яков Гольштейн. *Сёстры Земли*, «Зеркало мира». 2012). *Первые недели Зубр посиживал на балконе, привыкая к покою, тишине* (Даниил Гранин. *Зубр*. 1987).

2.1.3. Об имперфективации собственно перфективных способов действия. Сравнительно регулярно (но с разной частотностью) образуются имперфективы, производные от глаголов перфективного (фазисно-временного или специально-результативного количественного) способа действия. Такие имперфективы характеризуются выражением регулярного повторения действия. Эта их особенность может быть и исключительной (см. *заговорить* → *заговаривать*, *начитаться* → *начитываться*, *напиться* → *напиваться*, *засидеться* → *засиживаться*, *отмучиться* → *отмучиваться*), но в случае некоторых начинательных и финитивных глаголов признак итеративности не является абсолютным, если имперфективные дериваты употребляются с объектом (*закуривать сигарету, отсиживать срок, (уст.) отслуживать стипендию* и т.п.).

Возможность реализации процессного значения в настоящем времени продемонстрируем на глаголе *отсиживать* с дополнением: *Дочь, старшая из двоих взрослых людей, давно замужем за милиционером и живет отдельно, сын отсиживает тюремный срок, жена неизвестно где пьет горькую* (Александр Галинский. Вслед за смыслом жизни власти отнимают у народа и квартиры, «Советская квартира». 2003). В позиции же прошедшего времени более типичным является употребление в многократном значении: *Она с нескрываемой брезгливостью садилась у кровати больного мужа, отсиживала положенные десять минут и торопливо уходила* (Юрий Рытхэу. Время таяния снегов. 1967).

2.1.4. О вторичных имперфективах. Говоря об итеративности, нельзя не коснуться вопроса о так называемых видовых тройках, или, точнее, о «*биимперфективных аспектуальных тройках*» [Зализняк, Микаэлян 2015: 235]. Из аспектологической литературы последнего времени детальное и многоаспектное описание всей проблематики «троек» и вторичной имперфективации принадлежит польскому автору [Kozera 2018]. Среди вторичных имперфективов здесь для нас представляют интерес лишь те дериваты, которые одновременно могут выражать реализованный результат и многократность. Иными словами, часть вторичных имперфективов, входящих в данную группу, передает значение ‘каждый раз достигнутого результата’. Семантические критерии, позволяющие разграничить для вторичных имперфективов итеративность (иными словами — невозможность процессуализации) и способность выражать процессное значение, сформулированы достаточно четко в статье Е. В. Петрухиной [Петрухина 1990: 82, 83].

Ю. С. Маслов и А. В. Бондарко показали различие между исходным глаголом и вторичным имперфективом на примере сопоставления коррелятов *читать* и *прочитывать*. Маслов впервые обратил внимание на то, что в большинстве случаев оба глагола — в зависимости от тонких нюансов значения — могут заменить форму прошедшего времени перфектива *прочитать* в позиции настоящего исторического [Маслов 1984: 69]. Мы к этому добавим, что и в позиции итеративного действия данные имперфективы способны взаимодополнять друг друга в одном и том же контексте: *Хотя я тоже начинаю с того, что **прочитываю** книгу, но **читаю** ее только один раз* (С. Флорин. Муки переводческие). В связи с этими же глаголами А. В. Бондарко характеризует различие между двумя имперфективами в итеративном контексте при наличии инклюзивного временного обстоятельства (с предлогом *за* в винительном падеже). См., с одной стороны, вторичный имперфектив со значением достижения результата (*Такие книги он **прочитывал за два часа***) и, с другой стороны, отсутствие данного значения в форме *читал*: *Такие*

книги он **читал два часа** (ср.: [Бондарко 1976: 198]). К разряду такого рода вторичных имперфективов, которые, по словам Маслова, «не поддаются процессуализации», следует еще причислить несколько дериватов из группы переходных глаголов (например, *сламывать, съедать*), а также некоторые глаголы с приставкой *вы-*, выделяющей полноту достижения результата на фоне повторяемости: *выпивать, вылечивать, выучивать, вызубривать*. Однако, как можно показать на определенных диагностических примерах, позиция итеративности для данных глаголов также не является исключительной. М. Я. Гловинская отмечает, что в специальном контексте они также могут выражать актуально-длительное значение: *На моих глазах он съедает уже третью тарелку супа; Он выпивает стакан за стаканом; Он прочитывает уже десятую страницу (страницу за страницей)* [Гловинская 1982: 44].

2.1.5. Мультипликативные глаголы в системе итеративных действий. К мультипликативам (в другой терминологии — к глаголам многоактного способа действия) относятся такие глаголы НСВ, как *качать, кашлять, махать, мигать, прыгать, стучать, толкать* и др. Определение статуса мультипликативов вызывает споры. В частности, нет единого мнения по поводу двух вопросов: 1) входят ли эти глаголы в видовую пару (в общепринятом значении этого термина) с однокоренными семельфактивами (напр., *прыгать* и *прыгнуть*), 2) целесообразно ли говорить в связи с мультипликативами о повторяющемся действии и в том случае, если в контексте отсутствуют лексические показатели повторяемости? Мы убеждены, что на поставленные здесь вопросы можно дать утвердительный ответ.

В основу нижеследующей краткой интерпретации мультипликативов положены идеи В. С. Храковского, который уделил особое внимание данной группе глаголов (см., в частности: [Храковский 1997а]). Действие, выражаемое этими глаголами, состоит из дискретных ментальных актов («квантов»), образуя единый немонолитный процесс с признаком кратности, и в этом процессе величина внутренних интервалов между отдельными актами в большинстве случаев совсем незначительна⁴. Однако важно отметить, что этот процесс все-таки создается на базе «внутренней итеративности», поэтому, чтобы признать такое действие в качестве итеративного, важен именно тот факт, что из ряда одинаковых актов может быть выделено одно «микродействие», точно соответствующее соотносительному семельфактиву. Мы покажем это на примере одного соотношения — глаголов *прыгать* и *прыгнуть*.

⁴ Конечно, мультипликативы в этом отношении неодинаковы. Например, действие у глаголов *шагать* или *кашлять* характеризуется большей степенью раздельности актов, чем у глаголов *вилять* (хвостом) или *тикать*.

Что касается их видовой парности, вряд ли можно отрицать, что функционирование данных глаголов максимально удовлетворяет основному и общепринятому критерию Ю. С. Маслова, основанному на возможности замены перфективного глагола прошедшего времени глаголом НСВ в позиции исторического настоящего, что доказывает лексическое тождество парных глаголов. Таким образом, предложение *Каскадер выбежал на балкон и прыгнул вниз* при повествовании может быть преобразовано в предложение с формами настоящего времени: *Каскадер выбегает на балкон и прыгает вниз* (пример В. С. Храковского). Видимо, при указании на направление действия глагол *прыгать*, утратив свой многоактный характер, может употребляться и в значении актуального настоящего: *И видит в этой гуще такую картину: примерно в середине спектакля хорошенькая девушка раздевается догола, обливает бензином стопку компакт-дисков Жарра и, заставив толпу расступиться, прыгает через костер* (Александр Миллер, Игорь Иртеньев. *Говорит и показывает Москва, «Столица». 1997*). Е. В. Горбова, касаясь мультипликативов, предлагает признание видовой парности с семельфактивным глаголом именно при обозначении направления действия: *прыгать / прыгнуть через забор* (ср.: [Горбова 2011: 28]). В концепции В. С. Храковского такое ограничение эксплицитно не сформулировано. Автор обращает внимание на то, что если глагол *прыгать* указывает только на один акт действия, он может стоять и в других имперфективных позициях, в частности, в общефактическом значении и в повелительном наклонении. В качестве примера представим себе урок физкультуры, где ученики выполняют какой-либо прыжок (например, в длину или в высоту). В такой ситуации может прозвучать: *Кто еще не прыгал? Ты уже прыгал? Прыгай! Подожди, еще не прыгай!* — и совершенно очевидно, что здесь имеется в виду не монотемпоральное повторение одного и того же акта действия (повторение прыжков), а актуализируется только одно «микродействие» из данной серии⁵ (ср.: [Ясаи 2007: 284]). Обратим внимание еще на один пример. Когда мы говорим: *С разбегу он прыгает около 5 метров*, то на фоне настоящего узуального, значит, нелокализованного действия (явно отличающегося от мультипликативного) развивается потенциально-качественное значение, т. е. *прыгает* в этом случае ≈ ‘может прыгнуть’.

Таким образом, анализ аспектуальной семантики глагола *прыгать* показывает, что протекание действия у него имеет двойственную природу. С одной стороны, само мультипликативное действие (с выраже-

⁵ Автору настоящей работы трудно не заметить, что в венгерском языке также с достаточной регулярностью образуются глагольные пары типа «мультипликатив — семельфактив», но, в отличие от русского глагола, из мультипликативного действия (без морфемного изменения глагола) функционально не может быть вычленен один отдельный акт.

нием повторения однородных актов) интуитивно воспринимается скорее как процесс, чем повторяемость. С другой стороны, возможность вычленения одного акта из ряда при сохранении НСВ говорит скорее в пользу итеративности, правда, в этом случае точнее говорить «о внутренней итеративности»⁶. Конечно, употребление мультипликативов с обозначением одного акта в количественном отношении явно уступает многоактному значению, которое, безусловно, считается основным, первичным. Поэтому надо подчеркнуть, что наименование данного разряда (мультипликатив / глагол с многоактным действием) является уместным и отражает основную специфику этих глаголов.

2.2. Итеративность при перфективном значении глагола

2.2.1. Вступительные замечания. Выражение повторяющихся действий в русском языке глаголом НСВ объясняется тем, что признак неограниченной кратности не согласуется (или с трудом согласуется) с представлением такого действия, которое воспринимается как целостное и, следовательно, ограничивается понятием предела. Таким образом, доминирующее употребление имперфективного глагола в контексте повторяемости связано с особым способом видения действия и, в конечном счете, с грамматической стороной языковой картины мира. В то же время следует заметить, что несовместимость неограниченной кратности с признаком целостности действия означает отказ от морфологического различия «просто повторяющегося» действия и действия, обозначающего повторение со значением завершенности (т. е. достижения предела). Нейтрализация этих собственно противоположных видовых значений в данной позиции не остается без последствий и иногда приводит к аспектуальной двусмысленности предложения. Так, если действие в предложении *Уборщица убирала нашу квартиру до 12 часов* является повторяющимся, то остается неясным, какое исходное действие лежит в основе данной множественности — *убирала* (как единичный процесс) или *убрала* (как достижение результата в единичном действии). Так же обстоит дело со следующим предложением: *В жаркие дни девушки иногда загорали на пляже*. Не ясно, повторялось ли процессное действие (точнее, состояние) ‘загорали’ или речь идет о повторении результативного действия ‘загорели’.

⁶ Разумеется, переплетение процесса и повторяемости действия (т. е. выражение особой разновидности процесса с интервалами) не является исключительным явлением. Аналогичные примеры возможны при поддержке внешних факторов: *Поезда отправляются / отправлялись каждые 15 минут; Мама весь день (ежеминутно) заглядывала к больному ребенку; С 10 часов студенты записывались на семинар* и т. п. Кажется, итеративность в таких ситуациях может концептуализироваться и в рамках процесса — или наоборот, процесс — в рамках итеративности.

Е. В. Петрухина [2000: 63–104] подробно анализировала видовые различия в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. Из этого сопоставления становится ясно, что — с точки зрения выбора вида — существенные различия наблюдаются при обозначении повторяющихся действий. Эти различия проявляются в том, что в западнославянских языках — правда, не в одинаковой мере — допускается сочетание признака кратности с глаголом СВ (это заметно особенно сильно в чешском языке и в меньшей мере в польском). Это значит, что в западнославянских языках в той или иной степени сохраняется интерпретационный характер глагольного вида и в позиции итеративности (т. е. и в таком случае могут передаваться различия в восприятии действия с признаком целостности или при отсутствии этого признака). Наблюдения венгерского полониста П. Патровича также подтверждают мнение, согласно которому итеративность в польском языке допускает употребление СВ в большей мере, чем в русском [Pátrovics 2018: 32]. Из этого следует, что если в русском языке перфективный глагол употреблен (или может быть употреблен) в семантической сфере итеративности, то такое явление требует объяснения. В этом отношении остановимся на тех типах перфективного употребления, которые в русском языке нельзя считать редкими случаями⁷. Речь будет идти — по терминологии петербургской аспектологической школы — о наглядно-примерном и суммарном значениях СВ.

2.2.2. Наглядно-примерное значение. Этот тип употребления перфективного глагола в личных формах характеризует в первую очередь повествовательные тексты. В контекстах наглядно-примерного значения необходимо эксплицитное указание на узуальный характер действия (*бывает, бывало, случалось, иногда* и др.), которому как бы противопостоят перфективные формы, указывающие на единичное действие. Следующие примеры иллюстрируют эту особенность: **Бывало, приду как лицо официальное** (М. М. Зощенко. Аристократка). **Бывает, устанешь как собака — все равно играй** (В. Ф. Панова. Сестры). **Иногда заедет** какой-нибудь мелкопоместный сосед и надолго **увезет** меня к себе (И. А. Бунин. Антоновские яблоки). Узуальный контекст может включать в себя и несколько чередующих друг с другом перфективных действий: **Бывало, с утра пораньше народ соберется** вокруг его сарайчика и ждет. А он, монах то есть, **выйдет** к народу, **помолится, поклонится** в пояс и велит выносить чашку. **Вынесут** ему чашку с настойкой, а он снова **поклонится** народу и **начнет** пить эту гнущь (М. М. Зощенко.

⁷ Что же касается инфинитивных конструкций типа *все чаще начал поглядывать; часто пришлось нам вспоминать; часто привык повторять* и т. п., отсылаем читателя к статье [Bottineau, Roudet 2013].

Монастырь). Показателем узуальности может быть и отдельное предложение, которое обычно предшествует контексту с глаголами СВ: *Сестра ее играла одни только польки и вальсы, и то редко. Подойдет, бывало, своей ленивой походкой к роялю, сядет, спустит бурнус с плеч на локти..., заиграет громко одну польку, не кончит, начнет* другую, потом вдруг *вздыхнет, встанет и отправится* опять к окну (И. С. Тургенев. Яков Пасынков). *А приезжал он в монастырь часто. Бывало, приедет, остановит* коляску версты за три... (М. М. Зошенко. Монастырь).

Сущность представленного здесь способа итеративности можно суммировать с опорой на работы А. В. Бондарко, впервые охарактеризовавшего это значение [Бондарко, Буланин 1967: 53]. В такой ситуации глагол СВ, типизируя отдельное событие, интерпретирует его как разовое и целостное и тем самым создает эффект экспрессивности на основе контраста видовой семантики перфективности и общего (т. е. узуального) содержания контекста. Проще говоря, речь идет о семантическом противопоставлении типа 'обычно бывает так — вот один из таких случаев'. Данный тип употребления СВ интересен не только в отношении итеративности, но и тем, что здесь форма простого будущего СВ выражает значение настоящего времени (о значениях настоящего времени, выражаемых формой простого будущего СВ, см.: [Караванов 1997]).

В разговорных ситуациях личные формы «узуальных перфективов» встречаются и в отдельных, как правило, коротких высказываниях или в диалогической речи. М. Я. Гловинская [2001: 207] отмечает в связи с этим, что в таком случае при характерном изменении порядка слов выражается и эмоциональное значение: **Вечно ты оторвешь** меня от дела (ср.: *Ты вечно отрываешь меня от дела*), **Всегда она что-нибудь некстати скажет** (ср.: *Она всегда говорит что-нибудь некстати*) [Ibid.].

2.2.3. О суммарном значении. Основные положения этого частновидового значения сформулированы также в ранних работах А. В. Бондарко (впервые: [Бондарко, Буланин 1967: 54–55]). Упоминается об этом значении (правда, лишь вскользь) и в последней его книге, посвященной краткому описанию всех глагольных категорий в системе функциональной грамматики: [Бондарко 2017: 90]. В контекстах суммарного значения лексические показатели ограниченной кратности (*два раза / дважды, три раза / трижды, пять раз* и т. п., а также и *несколько раз*) сочетаются с глаголом СВ, и таким образом создается значение суммы конкретных фактов. Показатели кратности мы будем называть на основе статьи [Гаттнар 2013] *квантификаторами*, среди которых квантификатор *несколько раз* отличается от других признаков неопределенности.

При выражении суммарного значения СВ говорящий соотносит отдельные акты с одним событием, интерпретируя их как одно целое, огра-

ниченное предельное. Условием для суммарного восприятия определенного или неопределенного количества действий является их временная локализованность. Другими словами, суммарное значение реализуется с большей вероятностью тогда, когда рассматриваемое действие повторяется сравнительно короткими интервалами. См. противопоставление следующих ситуаций — с монотемпоральным и политемпоральным действием: *В начале урока ученики **несколько раз повторили** за диктором новые слова, потом они стали составлять с ними предложения.* Но в следующем контексте должна быть употреблена форма *повторяли*: *В течение учебного года мы **несколько раз повторяли** этот материал.* Приведем по два примера на суммарное значение из НКРЯ 1) с неопределенным и 2) с определенным квантификатором:

1) *В эту ночь я долго не мог уснуть. **Несколько раз перечитал** письмо жены* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет. 2005). *Надя **перечитала** это письмо **несколько раз**, а когда около дверей зашаркали шаги мужа, спрятала письмо под подушку* (Владимир Дудинцев. Не хлебом единым. 1956).

2) *Махмуд **три раза повторил** код города и номер телефона* (Лев Дворецкий. Шакалы. 2000). *Особенно хорошо пел Каммионский одну итальянскую арию, которую он **повторил три раза*** (А. А. Аллендорф. Дневник. 1908).

Сказанное выше необходимо дополнить следующими замечаниями.

Во-первых, надо подчеркнуть, что конкуренция видов при наличии неопределенного или определенного квантификаторов может иметь место только в том случае, если сочетания типа *несколько раз повторял / повторил* употребляются в отдельных (т. е. «в изолированных») предложениях. В случае же выражения таксисно-временных отношений последовательности (что следует считать синтаксически «сильной позицией» СВ) ограниченная кратность передается глаголом СВ. Например: *Он **несколько раз пересчитал** деньги и отошел от кассы* (ср.: [Караванов 2004: 50]).

Во-вторых, существует определенный круг парных глаголов, перфективный коррелят которых в суммарном значении, как правило, не выступает (что связано с особенностями лексического значения глаголов). Например, глаголы так называемого обратимого действия, которые имеют лексические антонимы (*открыть / закрыть, встать / лечь, включить / выключить, повесить / снять*), а также приставочные глаголы движения (*войти / выйти, прийти / уйти* и др. (ср.: [Караванов 2004: 53])). Следовательно, невозможность сочетания **несколько раз уехал* объясняется характером лексического значения, не допускающего суммарного восприятия данных действий. По этой же семантической причине нельзя

сказать **Я уже несколько раз бросил курить* (правильно: *бросал*), так как после того, как некто *бросил курить*, предполагается его действие (*снова*) *начал курить*.

В-третьих, особого упоминания заслуживает и тот психолингвистический эксперимент, который провела А. Гаттнар [2013]. Исследования немецкого языковеда интересны тем, что в свете полученных результатов некоторые детали получают более дифференцированное описание. В эксперименте внимание было обращено на роль типа квантификатора (он может быть определенным или неопределенным) и места квантификатора (стоит ли он перед глаголом или после глагола). Эксперимент показал (об этом свидетельствуют сводные таблицы и графики), что на выбор вида оказывают влияние оба фактора: информанты чаще выбирали СВ при наличии определенного квантификатора (*два раза, пять раз* и др.), чем при наличии неопределенного (*несколько раз*); кроме того, постпозиция квантификатора тоже тяготеет к СВ, правда, в случае неопределенного квантификатора и в этой позиции преобладает НСВ.

3. Итоги

3.1. Понятие итеративности является ключевым при изучении русского глагольного вида, тем самым связанные с ним вопросы занимают особенно важное место как при научном описании данного феномена, так и в его прикладном аспекте: при обучении употреблению глаголов разных видов в иностранной аудитории. В нашей статье показано, что проблематика итеративности осложняется и тем, что это понятие представляет сложный семантический комплекс, охватывающий весьма разные типы повторения в протекании действия.

3.2. Любая разновидность повторения однородных действий представляет собой частный случай глагольной множественности. Итеративность — с точки зрения физического восприятия — предполагает одновременность однородных действий, которая, однако, может быть не только нелокализованной во времени (т. е. политемпоральной), но и локализованной (узко или широко). Степень локализованности повторяющегося действия в основном зависит от значения лексических и контекстуальных показателей, однако также от величины интервала, разделяющего отдельные однородные действия. В некоторых семантических разрядах глагола наличие интервала между действиями прямо вытекает из характера лексического значения слова. В таком случае мы говорим о внутриглагольной итеративности (см., в частности, бесприставочные многократные имперфективы типа *хаживать*, такие

мультипликативы, как *прыгать*, *толкать* и др., или деминутивно-итеративные глаголы типа *покашливать*, *постукивать*).

3.3. Ввиду того, что итеративность представляет достаточно широкий комплекс акциональных значений, включающий разные типы повторения действий (которые касаются, в частности, и выбора видовой формы), целесообразно описать данные способы выражения с опорой на модель функционально-семантических полей, выделяемых в концепции функциональной грамматики. Однако поле итеративности, в отличие от других акциональных полей (ср. *аспектуальность* и *вид*, *темпоральность* и *время*, *персональность* и *лицо* и др.), является в меньшей степени центрированным, так как признак кратности в той или иной мере безусловно характеризует все разновидности повторительного значения.

3.4. Что касается структуры поля итеративности, в данный комплекс включены, с одной стороны, разные равносильные формы выражения этого значения, с другой стороны, выделяются и периферийные зоны, в которых повторение действия проявляется менее эксплицитно — в большинстве случаев не посредством глагольного вида, а контекстуально. Несмотря на отсутствие подлинного ядра в поле итеративности, предлагаем выделить в качестве доминирующего типа формы неограниченно-кратного действия, широко представленные в сфере повторяемости. Периферийные типы явно отличаются от основного по частотности. См., например, способы выражения повторяемости при употреблении СВ: *Несколько раз повторил...* (суммарное знач.), *Бывало, приду...* (наглядно-примерное знач.). По другой причине оттесняются на периферию поля итеративности мультипликативы: у них интервалы в физическом измерении столь незначительны, что выражаемое ими действие воспринимается интуитивно как процесс (т. е. процесс совместно с «внутренней итеративностью»).

3.5. Существуют итеративы, или, шире, итеративные контексты, которые характеризуются особой стилистической спецификой. Так, например, глаголы типа *хаживать* (употр. только в прошедшем времени), полностью еще не вышедшие из употребления, всегда выражают и стилистическую окраску — либо оттенок архаичности, либо экспрессивной разговорности. Стилистические функции характеризуют и употребление глагола СВ в наглядно-примерном значении. «Узуальные перфективы» встречаются не только в повествовательных контекстах, но и в разговорных ситуациях, в которых форма СВ подчеркивает выражение эмоциональности: *Всегда она что-нибудь некстати скажет* (пример М. Я. Гловинской). Как видим, такая функция вида обычно влечет за собой и специальный порядок слов (особое актуальное членение).

Библиография

Белошапкина 2007

Белошапкина Т. В., *Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке*, Москва, 2007.

Бондарко 1976

Бондарко А. В., *Теория морфологических категорий*, Ленинград, 1976.

— 1983

Бондарко А. В., *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*, Ленинград, 1983.

— 2017

Бондарко А. В., *Глагольные категории в системе функциональной грамматики*, 2-е изд., Москва, 2017.

Бондарко, Буланин 1967

Бондарко А. В., Буланин Л. Л., *Русский глагол. Пособие для студентов и учителей*, под ред. Ю. С. Маслова, Ленинград, 1967.

Виноградов 1986

Виноградов В. В., *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, 3-е изд., Москва, 1986.

Гаттнар 2013

Гаттнар А., Конкуренция видов глагола в итеративных контекстах в зависимости от типа и позиции квантификатора, *Вопросы языкознания*, 2, 2013, 52–68.

Гловинская 1982

Гловинская М. Я., *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*, Москва, 1982.

— 2001

Гловинская М. Я., *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*, Москва, 2001.

Горбова 2011

Горбова Е. В., Видовая парность русского глагола: проблемы и решения, *Вопросы языкознания*, 4, 2011, 20–45.

Грекова 1985

Грекова О. К., Виды значений повторяемости и средства их выражения в современном русском языке (автореф. диссертации на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1985).

Зализняк, Микаэлян 2015

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Видовые тройки в аспектуальной системе русского глагола, Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва, 2015, 233–247.

Караванов 1997

Караванов А. А., Употребление формы будущего времени глаголов совершенного вида в значении настоящего времени, М. Ю. Черткова, отв. ред., *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, 1, Москва, 1997, 102–114.

— 1999

Караванов А. А., Семантика суммарных дистрибутивов с префиксом *по-* в свете теории Л. В. Щербы об эксперименте в языкознании, В. В. Красных, А. И. Изотов, ред., *Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей*, Москва, 1999, 5–11.

— 2004

Караванов А. А., *Виды русского глагола: значение и употребление*, изд. 2-е, Москва, 2004.

Крекич 1989

Крекич Й., *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов*, Будапешт, 1989.

Маслов 1984

Маслов Ю. С., Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке (1948), *Очерки по аспектологии*, Ленинград, 1984, 48–70.

Падучева 1996

Падучева Е. В., *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва, 1996.

Палоши 2015

Палоши И., К вопросу о выражении хабиитуалиса в русском языке, *Die Welt der Slaven; Sammelbände*, 57 (= E. G. Rubio, M. Falkowska, E. Kislova und M. Stepień, Hrsg., *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5. September 2014, Budapest*), 2015, 187–196.

——— 2018

Палоши И., К вопросу о многозначности глагольных приставок: мультисубъектность и мультиобъектность, К. Кроо, Е. Бона, ред., *Голоса русской филологии из Будапешта. Литературоведение и языкознание на Кафедре русского языка и литературы Университета им. Лоранда Этвеша*, Будапешт, 2018, 203–214.

Петрухина 1990

Петрухина Е. В., К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке, *Русский язык за рубежом*, 4, 1990, 82–87.

——— 2000

Петрухина Е. В., *Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками)*, Москва, 2000.

Плунгян 2011

Плунгян В. А., *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва, 2011.

Прокопович 1982

Прокопович Е. Н., *Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм*, Москва, 1982.

Ровнова 2000

Ровнова О. Г., Употребление грамматических форм в русской диалектной речи, 1: Функционирование многократных глаголов, А. В. Бондарко, С. А. Шубик, отв. ред., *Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании*, С.-Петербург, 2000, 69–78.

Семиколенова 2009

Семиколенова Е. И., «Кратность» как тип отношений между глаголами в видовой паре, *Вісник Днітропетровського університету, Мовознавство*, 11, 15/3, 2009, 120–126.

Стойнова 2012

Стойнова Н. М., Рефактив: типологические данные, *Вопросы языкознания*, 2, 2012, 61–92.

Храковский 1986

Храковский В. С., Семантические типы множества ситуаций (опыт классификации), *Изв. АН СССР, Серия литературы. и языка*, 45/2, 1986, 149–158.

——— 1997а

Храковский В. С., Мультипликативы и семьфактивы (проблема видовой пары), С. Кароляк, отв. ред., *Семантика и структура славянского вида*, 2, Kraków, 1997, 227–239.

——— 19976

Храковский В. С., Понятийная база и опыт классификации семантических типов множества ситуаций, М. Ю. Черткова, отв. ред., *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, 2, Москва, 1997, 128–139.

——— 2014

Храковский В. С., Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? *Вопросы языкознания*, 4, 2014, 3–12.

Ясаи 2007

Ясаи Л., Проблема соотношения семельфактивов и мультипликативов для венгерской аудитории, И. Волова, Вл. Манчев, ред., *Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI конгресса МАПЯЛ. Варна, 2007*, 5, Sofia, 2007, 282–285.

——— 2020

Ясаи Л., К вопросу о формировании аспектуальной компетенции, *Русский язык и культура в эпоху глобализации. Nemzetközi tudományos konferencia tanulmánykötete. Pécs, 2019. szeptember 26–27*, V. Végvári, R. Wołosz, szerk., Pécs, 2020, 29–37.

Agrell 1908

Agrell S., *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte*, Lund, 1908.

Bottineau, Roudet 2013

Bottineau T., Roudet R., Выражение итеративности с глаголами совершенного вида прошедшего времени в русском языке, *Russian Linguistics*, 37/1, 2013, 35–49.

Kozera 2018

Kozera I., *Семантика и прагматика вторичной имперфективации в современном русском языке на основании корпусного анализа*, Kraków, 2018.

Pátrovics 2018

Pátrovics P., *A lengyel igeaszpektus kérdései. Lengyel–magyar strukturális aspektusszótár*, Budapest, 2018.

References

Beloshapkova T. V., *Kognitivno-diskursivnoe opisanie kategorii aspektual'nosti v sovremennom rusском iazyke*, Moscow, 2007.

Bondarko A. V., Bulanin L. L., *Russkii glagol*, Yu. S. Maslov, ed., Leningrad, 1967.

Bondarko A. V., *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki*, 2nd ed., Moscow, 2017.

Bondarko A. V., *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii*, Leningrad, 1983.

Bondarko A. V., *Teoriia morfologicheskikh kategorii*, Leningrad, 1976.

Bottineau T., Roudet R., The expression of iteration by past forms of perfective verbs in Russian, *Russian Linguistics*, 37/1, 2013, 35–49.

Gattnar A., Competition of Verbal Aspects in Iterative Contexts as Depending on the Type and Position of the Quantifier, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2013, 52–68.

Glovinskaya M. Ya., *Mnogoznachnost' i sinonimiia v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola*, Moscow, 2001.

Glovinskaya M. Ya., *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola*, Moscow, 1982.

Gorbova E. V., Aspectual pairs in the Russian verb: problems and solutions, *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2011, 20–45.

Jászay L., K voprosu o formirovanii aspektual'noi kompetentsii, V. Végvári, R. Wołosz, szerk., *Russkii iazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii. Nemzetközi tudományos konferencia tanulmánykötete. Pécs, 2019. szeptember 26–27*, Pécs, 2020, 29–37.

Jászay L., Problema sootnosheniia semel'faktivov i mul'tiplikativov dlia vengerskoi auditorii, I. Vladova, V. Manchev, eds., *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire. Materialy XI kongressa MAPIAL. Varna, 2007*, 5, Sofia, 2007, 282–285.

Karavanov A. A., Semantika summarnykh distributivov s prefiksom po- v svete teorii L. V. Shcherby ob eksperimente v iazykoznanii, V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, eds., *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia. Sbornik statei*, Moscow, 1999, 5–11.

Karavanov A. A., Upotreblenie formy budushchego vremeni glagolov sovershennogo vida v znachenii nastoiashchego vremeni, M. Yu. Chertkova, ed., *Trudy aspektologicheskogo seminarina Filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*, 1, Moscow, 1997, 102–114.

Karavanov A. A., *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Khrakovsky V. S., Does Russian imperfective have repetitive (frequentative / iterative / habitual) meaning? *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2014, 3–12.

Khrakovsky V. S., Mul'tiplikativy i semel'faktivy (problema vidovoi pary), S. Karolak, ed., *Semantika I struktura slavianskogo vida*, 2, Kraków, 1997, 227–239.

Khrakovsky V. S., Poniatinaia baza i opyt klassifikatsii semanticheskikh tipov mnozhestva situatsii, M. Yu. Chertkova, ed., *Trudy aspektologicheskogo seminarina Filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*, 2, Moscow, 1997, 128–139.

Khrakovsky V. S., Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii (opyt klassifikatsii), *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 45/2, 1986, 149–158.

Kozera I., *Semantika i pragmatyka wtórnej imperfaktyvizacji we współczesnym języku rosyjskim na podstawie badań korpusowych*, Kraków 2018.

Krékits J., *Semantika i pragmatika vremenno-predel'nykh glagolov*, Budapest, 1989.

Maslov Yu. S., Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom iazyke (1948), *Ocherki po aspektologii*, Leningrad, 1984, 48–70.

Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa*, Moscow, 1996.

Pálosi I., K voprosu o mnogoznachnosti glagol'nykh pristavok: mul'tisub"ektnost' i mul'ti-ob"ektnost', K. Kroó, É. Bóna, eds., *Golosa russkoi filologii iz Budapeshta. Literaturovedenie i iazykovedenie na Kafedre russkogo iazyka i literatury Universiteta im. Loranda Etvesha*, Budapest, 2018, 203–214.

Pálosi I., The question of habituality in the Russian language, *Die Welt der Slaven: Sammelbände*, 57 (= E. G. Rubio, M. Falkowska, E. Kislova und M. Stepień, Hrsg., *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5. September 2014*, Budapest), 2015, 187–196.

Pátrovics P., *A lengyel igeaspektus kérdései. Lengyel–magyar strukturális aspektusszótár*. Budapest, 2018.

Petrukhina E. V., *Aspect Verb Categories in Russian in comparison to Check, Slovak, Polish and Bulgarian languages*, Moscow, 2000.

Petrukhina E. V., K voprosu o konkurentzii pervichnykh i vtorignykh imperfektivov v sovremennom russkom iazyke, *Russian Language Abroad*, 4, 1990, 82–87.

Plungian V. A., *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku. Grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira*, Moscow, 2011.

Prokopovich E. N., *Glagol v predlozhenii. Semantika i stilistika vido-vremennykh form*, Moscow, 1982.

Rovnova O. G., Upotreblenie grammaticheskikh form v russkoi dialektnoi rechi, 1: Funktsionirovanie mnogokratnykh glagolov, A. V. Bondarko, S. A. Shubik, eds., *Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*, St. Petersburg, 2000, 69–78.

Semykolenova O. I., «Kratnost'» kak tip otnoshenii mezhdú glagolami v vidovoi pare, *Visnyk of Dnipropetrovsk University. Series: Linguistics*, 11, 15/3, 2009, 120–126.

Stoynova N. M., Again-Markers: a Typological Survey, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2012, 61–92.

Vinogradov V. V., *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*, 3rd ed., Moscow, 1986.

Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., Vidovye troiki v aspektual'noi sisteme russkogo glagola, Anna A. Zalizniak, I. L. Mikaelian, A. D. Shmelev, *Russkaia aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary*, Moscow, 2015, 233–247.

László Jászay, DSc, professor
Bölcsészettudományi Kar,
Eötvös Loránd Tudományegyetem,
Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék
1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D.
Magyarország / Hungary
jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Received November 5, 2021